

RU

Проза В. Марта: некоторые литературные связи и контексты

Денисова Е. А.

Аннотация. Цель исследования - определить специфику городского текста В. Марта в культурном и литературном контекстах первой трети XX века. В статье выявляются общие тенденции и литературные заимствования, которые легли в основу художественного мира произведений о Шанхае. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении выявляются значимые для творчества В. Марта литературные связи и контексты, а также изучен городской текст в его наследии. В результате показано, что автор создавал свои произведения, ориентируясь на философию О. Шпенглера и творчество М. Горького. Кроме того, проза В. Марта имеет типологическое сходство с произведениями писателей, вернувшихся из эмиграции в СССР в 1920-е гг.

EN

V. Mart's Prose: Some Literary Connections and Contexts

Denisova E. A.

Abstract. The aim of the study is to determine the specificity of V. Mart's urban text in the cultural and literary contexts of the first third of the XX century. The article identifies general trends and literary borrowings that formed the basis of the artistic world of works about Shanghai. The scientific originality of this article lies in the fact that for the first time in Russian literary criticism, literary connections and contexts that are significant for the creative work of V. Mart are identified, and the urban text in his heritage is studied. As a result, it is shown that the author created his works, focusing on O. Spengler's philosophy and M. Gorky's creative work. In addition, V. Mart's prose has a typological similarity with the works of writers who returned from emigration to the USSR in the 1920s.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа жизни и творчества писателей Дальнего Востока и эмигрантов стран азиатско-тихоокеанского региона, где также существовал и эволюционировал литературный процесс. Изучение произведений В. Марта поможет реконструировать литературные связи, дополнит историю формирования русской литературы, посвященной Китаю, а также поможет выявить общие тенденции, характерные для творчества эмигрантов, вернувшихся как из Европы, так и из азиатских стран.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить общие тенденции, характерные для произведений писателей, вернувшихся из эмиграции в СССР в 1920-е гг.; во-вторых, найти первоисточники, которые легли в основу произведений В. Марта; в-третьих, определить художественные и социальные задачи, которые ставил перед собой автор, создавая целую серию произведений, посвященных одному городу.

Специфика художественного материала и задачи работы предполагают использование различных методов исследования: культурно-исторического (рассмотрение творчества В. Марта в культурно-литературном контексте советской эпохи) и интертекстуального (выявление литературных реминисценций и аллюзий).

Теоретической базой исследования, наряду с трудами О. Шпенглера, послужили публикации отечественных авторов, в которых рассматриваются жизнь и творчество В. Марта (Забияко, 2013, 2015; Дябкин, 2013, 2016; Кириллова, 2012).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания историко-литературных дисциплин, спецкурсов и семинаров. Мы считаем, что изучение городского текста в творчестве В. Марта позволит полнее представить литературный процесс первой трети XX века.

Основная часть

Венедикт Март – псевдоним поэта, писателя и переводчика Венедикта Николаевича Матвеева (1895-1937). Большую известность писателю принесли его футуристические стихотворения и переводы японской и китайской поэзии (Кириллова, 2012, с. 49).

Интерес В. Марта к Востоку, с одной стороны, обусловлен семейной историей: отец Марта Н. П. Матвеев родился в Хакодате (Япония) в семье фельдшера духовной миссии и вырос под присмотром японской кормилицы. Для Николая Матвеева японский был вторым родным языком (Забияко, 2015, с. 284). Во Владивостоке он был известным журналистом и краеведом, работал под псевдонимом Н. Амурский. С другой стороны, увлекаясь футуристическими стихотворениями, В. Март был близок к кругу модернистов, для которых одним из важнейших ресурсов стал ориентализм – «дискурсивный и образный ряд, посредством которого европейцы описывают Восток» (Овсянников, 2020, с. 51). Для большинства писателей начала XX века увлечение Востоком связано с поиском декадентски упаднического рая, опьяняющего пространства, бесконечной галлюцинации. В. Март следовал этому направлению в своих поэтических произведениях, выступая в образе фланера и буквально погружая читателя в атмосферу восточных притонов и опиумных курилен. Однако после возвращения в советское пространство подобные образы вытесняются из произведений дальневосточного писателя. Это в первую очередь связано со стремительными изменениями больших городов, когда ритм жизни меняется и больше не остается места для фланера, праздно гуляющего по улицам. По словам Ольги Вайнштейн (2004), смерть этого героя происходит на страницах романа Роберта Музиля «Человек без свойств» (1913), когда «последний фланёр гибнет на улицах Вены под колесами грузовика» (с. 286). С другой стороны, В. Март создает свои прозаические произведения, возвращаясь в СССР из другой страны, где вынужден искать новые углы рассмотрения восточной жизни, чтобы вписаться в рамки советской литературы.

В. Март родился во Владивостоке в 1896 году, с лета 1920 по 1923 год основным местом жительства писателя стал Харбин. Вероятно, в этот период В. Март приезжал в Шанхай. Город, который «как огромный интернациональный мегаполис того времени, привлекал немало русских эмигрантов своей развитой торговлей и возможностью трудоустройства» (Хэ, Ли, 2018, с. 119).

В. Март посвящает Шанхаю три произведения: повесть «Речные люди» (1930), повесть «Логово рыжих дьяволов» (1928) и рассказ «Маленькая прядильщица» (1928).

Писатель выстраивает образ Шанхая по модели Мирового города. В 1923 году на русский язык был переведен труд О. Шпенглера «Закат Европы». По мысли философа, существует два этапа развития культурно-исторических форм: культура – восхождение, и цивилизация – нисхождение.

Огромная популярность книги О. Шпенглера не позволяет сомневаться, что В. Март был с ней знаком. Он выстраивает свой мегаполис по тем критериям, которые легли в основу введенного философом понятия «Мировой город».

В повестях В. Марта стираются культурные стереотипы Востока как пространства наслаждения и экстаза, отсутствует красота традиционной культуры, природы, местных красавиц, основной акцент смещен на новые правила жизни, которые диктует город-мегаполис. Если «цивилизация есть неизбежная судьба всякой культуры», то Китай доживает до нисхождения, и В. Март становится летописцем этого перехода. Показателен фрагмент повести «Речные люди», где в молитвенном уголке одного революционного общества висит портрет Ленина. Это насмешка над культурой и укладом Китая: среди традиционно почитаемых «божков» висит портрет вождя советской цивилизации. С другой стороны, это отвечает требованиям «детской литературы», посвященной Ленину: «...отсюда непременно сопутствующие образу Ленина героико-романтические черты и особое благоговейное почитание, отражающее квазирелигиозные формы сознания – создание культа “нового бога”» (Забияко, Дябкин, 2013, с. 152).

Другой критерий, которому следует В. Март, – это четкое деление на провинции и Мировой город. В образе Шанхая, который выстраивает автор, огромное значение имеет происхождение. Все центральные персонажи его произведений вышли из провинции: его герои – речные люди, родившиеся и выросшие на плотах, и подземные жители, которые провели всю жизнь в глиняных норах. Фактически в художественном мире писателя Шанхай оказывается единственным городом на земле, и, как в Европе все дороги ведут в Рим, так все дороги в Китае ведут в Шанхай.

Вне зависимости от происхождения каждый житель мегаполиса оторван от своих корней и лишен понятия *Родина*. Бедные провинциалы были вынуждены покинуть свои деревни, чтобы хоть как-то продолжить свое существование. Богатые европейцы покинули свои страны ради наживы и дешевого наемного труда.

«Мировой город населен не народом, а массой», поэтому особый акцент при описании автор делает на китайской части с «узкими шумными улицами», «заваленными прилавками» и толпами людей, создающими «муравейник». Житель Шанхая – новый кочевник, лишенный традиций. Персонажи В. Марта находятся в постоянном поиске, у них нет дома, ночью они разбредаются по городу и спят под мостами, в закоулочках, в канавах, в неожиданных подземных щелях, «которых немало на побережье большого города».

Н. Е. Меднис (2021), автор курса «Сверхтексты в русской литературе», писала: «По структуре своей текст города в некотором смысле приближается к художественному тексту. <...> Место, которое занимают в словесном тексте “острия слов” (выражение А. Блока), в тексте города отводится доминантным точкам. <...> Они в системе составляют подобие образного каркаса, который на визуальном уровне позволяет отличить один город от другого».

Доминантные точки Шанхая, по которым В. Март выстраивает его образ, – это улицы, фабрики, фанзы (дома), деньги, люди, запахи, звуки.

Фабрики – это и есть адские котлы города, в которых мучают, истязают и отравляют людей. Каждая фабрика наполнена ядовитым, отравляющим запахом: спичечная – ядовитым белым фосфором, шелкопрядная – запахом мертвых коконов. «Грохот и визг машин в фабричных помещениях» заменяют голоса людей, что лишь усиливает ассоциацию с адским котлом.

Деньги, аккумулированные в руках европейцев, являются мощью цивилизации и становятся орудием захватчиков, посредством которого они варварски разрушают культуру Китая. «Дух денег незаметно проникает во все исторические формы народного бытия». В этом смысле показателен фрагмент повести «Речные люди», где персонажи вынуждены заплатить прокаженным, чтобы войти в Шанхай. Описание ближайшей к городу территории больше напоминает врата ада: на полях попадаются «изрытые человеческие трупы», «падаль животных, рвы свалок, мусорные бугры», среди этого мусора лежат люди. Чтобы войти в город, необходимо заплатить «живым мертвецам»:

«Возле самого города в дорожной пыли лежали страшные люди без носов, с отвалившимися пальцами, с гниющими телами. Это были нищие-прокаженные» (Март-Матвеев, 1930, с. 22).

Символично, что в прямом смысле гниющие люди стоят на пороге города. Результат становления цивилизации – сломленные городом люди, оказавшиеся за пределами мегаполиса и не имеющие возможности привязаться к другому пространству.

В 1920-е годы ряд писателей, вернувшихся из эмиграции в Россию (А. Белый, В. Шкловский, А. Толстой), создают городские тексты, в которых рисуют мрачные картины жизни в другой стране. Эта тенденция имеет в основе своей политические корни, поскольку для авторов это попытка после возвращения найти свое место в советской литературе. Типологически произведения В. Марта близки памфлету А. Белого «Одна из обителей царства теней» (1924), где автор представляет Берлин «то как “Мировой город” (О. Шпенглера), то как мифологическое пространство – “царство теней”, напоминающее античный Аид» (Корниенко, 2020, с. 4). Вероятность, что дальневосточный писатель читал произведение А. Белого, невелика. Несмотря на типологическое сходство, единая для двух авторов идея имеет различное воплощение. Если В. Март рисует образы загробного мира, то А. Белый буквально говорит о том, что Берлин – это ад, что, в первую очередь, обусловлено жанром: А. Белый работает в художественно-публицистическом жанре, В. Март создает художественную литературу для детей. Общим местом для писателей оказывается светлый образ России. Олицетворением всей страны в произведении А. Белого становится Москва, он создает контраст жителей Берлина и жителей Москвы.

В. Март же демонстрирует свое отношение к России, рисуя светлый образ русского вождя, который контрастирует с образом жестоких европейцев, угнетающих китайский народ. Писатель называет одну из глав повести «Речные люди» «Логово рыжих дьяволов», а затем выпускает отдельную повесть с таким же названием. Выбор заглавия связан, с одной стороны, с историческим фактом. Местные жители прозвали европейцев «рыжими дьяволами» после того, как они захватили их город. С другой, это литературная аллюзия на памфлет М. Горького «Город желтого дьявола» (1906). В рассказах В. Марта будут повторяться многие мотивы, заданные произведением М. Горького. Однако есть и принципиальные отличия. Первое – это локация, «Город желтого дьявола» – Нью-Йорк. Второе – образ дьявола: в произведении М. Горького управляющим людьми «дьяволом» является золото, у В. Марта – это европейцы, живущие в Шанхае.

Одним из совпадающих мотивов двух авторов, и в целом характерным для городских текстов о мегаполисах, является представление города в образе чудовища, поглощающего все живое. Шанхай В. Марта предстает в образе прожорливого зверя:

«Вниз – с плодородной богатейшей долины Ян-Цзы-Цзяна сплавляли в чудовищную пасть прожорливого Шанхая сырье...» (Март-Матвеев, 1930, с. 43).

У М. Горького: *«Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит и сопит, как обжора, страдающий ожирением»* (Горький, 1972, с. 10).

Нью-Йорк пожирает «мозги и нервы» американцев, Шанхай – «кровь и пот» рабочих и крестьян. Принципиальное отличие в том, что американцы сами сделали свой мир таким, попав в ловушку алчности – золотого дьявола, а потому М. Горький не сочувствует своим персонажам, а осуждает их. Китайский народ оказывается в западне, в логове рыжих дьяволов, не по своей воле, поэтому автор сопереживает китайцам и осуждает европейцев.

В памфлете М. Горького среди безликой толпы особое внимание уделяется детям, безвинно страдающим в греховном мире. Этот мотив скитания и страдания детей повторяется и у В. Марта в повести «Речные люди». Дальневосточный писатель заимствует два образа (дети-акробаты и обезьяна, страдающие от жестокого обращения), созданных М. Горьким, и соединяет их в одну сюжетную линию. Это история про мальчика-акробата, который скитается по стране и выступает на потеху публике вместе со своей обезьянкой. В повести «Речные люди» родители мальчика Ли-Тая продали его бродячему старому акробату Утеги, который обучал ребенка:

«О, эта учеба! Кости трещали от нее. Как беспощадно бил Утеги маленького Ли-Тая, чтобы сделать из него искусного акробата» (Март-Матвеев, 1930, с. 20).

Единственный друг мальчика – это обезьянка, которую во время одного из выступлений богатый англичанин бьет палкой: обезьянка *«жалобно всхлипывала и лапкой беспомощно показывала на темя... учащенно моргала, корчила плаксивые гримасы...»* (Март-Матвеев, 1930, с. 28).

Картина страдания маленького животного, беспомощного перед силой человека, задана произведением М. Горького, где обезьянка со своим малышом привязана к столбу на потеху публике, которая пытается удирать маленькое животное зонтиками и палками: «...глаза ее жалобно моргают, около рта являются лачистые морщины скорби и боли» (Горький, 1972, с. 36).

Заключение

Единство текстов В. Марта, посвященных Шанхаю, определяется не только единым объектом описания, но и общей идейной направленностью. Эти тексты объединяет мотив угнетения крестьян и пролетариев европейцами. Вероятно, он стал лейтмотивом не столько из-за авторского выбора, сколько был обусловлен требованиями и рамками советской литературы. После возвращения в СССР В. Марту с трудом удавалось вписаться в новые рамки советской литературы. А. А. Левченко и И. А. Дябкин (2016) писали, что «критики отвергали его произведения, многие из них так и остались неопубликованными» (с. 285). В. Март осознал, что может рассчитывать на публикацию, только если произведение будет иметь агитационный характер.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В. Март создает городской текст, выстраивая свой мегаполис по образу «Мирового города» О. Шпенглера. И в этом смысле идет по стопам М. Горького, который пишет текст Нью-Йорка. Для В. Марта тема Китая – это материал, который выделяет его творчество на фоне других агитационных текстов и памфлетов того времени. Рассказы и повести автора не показывают его социальную позицию. Это авторская стратегия, нацеленная на поиск своего места и закрепления в советской литературе после возвращения в СССР из другой страны.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении текстов других эмигрантов стран азиатско-тихоокеанского региона, писавших о Шанхае, выявлении такого феномена, как «шанхайский текст», и определении его специфики.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

EN The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the XX century as a space for literary transfer”.

Источники | References

1. Белый А. Одна из обителей царства теней / подгот. текста М. В. Праско, коммент. С. Ю. Корниенко. Новосибирск: Открытая кафедра, 2020.
2. Вайнштейн О. Три этюда о денди: об исторических оттенках вульгарности // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. 2004. № 6.
3. Горький М. Город Желтого Дьявола. М.: Художественная литература, 1972.
4. Забияко А. А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015.
5. Забияко А. А., Дябкин И. А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20-40-х гг. XX в. // Религиоведение. 2013. № 4.
6. Кириллова Е. О. Историко-литературный Владивосток 1917-1922 гг. в контексте формирования культурного и поэтического пространства русского зарубежья Дальнего Востока // Проблемы литератур Дальнего Востока: материалы V Международной научной конференции (27 июня - 1 июля 2012 г.): в 3-х т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. Т. 3 / отв. ред. Е. А. Серебряков, Фудзита Рина.
7. Корниенко С. Ю. Комментарии // Белый А. Одна из обителей царства теней. Новосибирск: Открытая кафедра, 2020.
8. Левченко А. А., Дябкин И. А. Социокультурные трансформации 1920-1930-х гг. в СССР в восприятии Венедикта Марта: к истории публикации архива писателя // Вестник архивиста. 2016. № 2.
9. Март-Матвеев В. Речные люди: повесть для детей из быта «Современного Китая». М.: Молодая гвардия, 1930.
10. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. 2021. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
11. Овсянников А. В. Ориентальная утопия в дискурсе российских реакционных модернистов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4.
12. Хэ М., Ли С. Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии в Китае // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34).

Информация об авторах | Author information

RU

Денисова Екатерина Андреевна¹

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

EN

Denisova Ekaterina Andreevna¹

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

¹ *etak92@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): В. Март; Шанхай; городской текст; Дальний Восток; эмиграция; V. Mart; Shanghai; city text; Far East; emigration.